

P2
K76

СОВРЕМЕННОК

Владимир Коянто
ВЕРХНИЕ ЛЮДИ
ПОДОЖДУТ

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОК •

p2
K72

Владимир Коляго

**Верхние люди
подождут**

Повести
и рассказы

Москва 1976

P2
K76

Коянто В. В.

K76 Верхние люди подождут. Повести и рассказы. М., «Современник», 1976.

192 с. (На обл. Новинки «Современника»).

Владимир Коянто — представитель молодой литературы корякского народа.

В своей книге «Верхние люди подождут» автор рассказывает о нелегком труде пастухов-оленоводов, о проблемах, волнующих оленеводческие хозяйства Камчатки.

Публицистичность, поэтические описания природы далекой Камчатки, психологическая достоверность образов — отличительные черты прозы В. Коянто.

К $\frac{70303-188}{M106(03)-76}$ 156—75

P2

Ложка с узорами

Передо мной большая костяная ложка с ярким национальным орнаментом, почерневшая от времени. Я осторожно, как бы боясь повредить узоры, беру ее в руки, долго смотрю на нее — она напоминает мне печальную песню о горном баране.

Я держу ложку в последний раз — скоро ее заберут в музей. Стараюсь запечатлеть в памяти каждый ее изгиб, каждую черточку.

Вот эта, волнистая — река Руссаковка. Она будто серебрится, бежит куда-то. А вот неприступные, гордые скалы, они сверкают белоснежными шапками под лучами восходящего солнца.

Я никогда не бывал у этих скал, не плавал по быстрой Руссаковке, но когда-то, давным-давно, слышал песню пастуха о гордом баране.

Ложка с дивными, будто живыми, узорами подарок этого пастуха.

* * *

В горах, в верховьях реки, выпал первый снег. И, пахнувший свежестью снежных гор, ветерок навел рыбалку, пробежал мелкой рябью вдоль сетей Михаила, закружил сухими листьями тополя, ольхи, тальника и полетел дальше, к морю, предупреждая все живое о наступлении зимы.

Со свежим ветром словно заново родился старый охотник Михаил Попов. Ох, как дав-

но не вытаскивал он из кожаного чехла надежный винчестер, не спускал с цепи верного друга Келли.

— Мамушка, ветер снегом пахнет! Баранов гонять надо! — твердит Михаил.

Жена, исходившая с ним тундру вдоль и поперек, только вздыхает, ничего не говорит мужу. Она — чукчанка из рода Эрмитегиных. У нее толстые длинные косы, татуировка на лице. Варвара подарила мужу двух сыновей и трех дочерей. Она верная подруга Михаила. И что из того, что на смуглом лице ее тропинок больше, чем на земле Михаила? Что из того, что запепелились ее косы, когда-то черные, как вороново крыло.

Крепкая, верная дружба связывает этих двух людей, Варвару и Михаила. Много меток появилось на хорее Михаила с тех пор, как привез он ее, молодую чукчанку, на корякскую землю. Вот и Степан, их старший сын, так похожий на Михаила, стал известным оленеводом, а дочь Анисья — рыбачкой. А она, Варвара, все следом за мужем: по рыбалкам, кочевьям да охотничьим тропам. И если сказал Михаил: «запахло снегом» — собирай его в путь-дорогу. Все равно не удержишь.

Он уйдет в горы, а она будет ждать его много дней, слагать ему песни, желать удачной охоты, пить ему праздничную кухлянку. А после охоты вместе с Михаилом будет плясать вокруг добычи. Любовь северянки тихая, незаметная с виду, но крепкая, как самый надежный чаут.

Скулит на привязи Келли. Он давно почувал, что задумал хозяин. И ему не терпится в тундру, в горы, на охотничьи тропы. Келли — старый пес. Он не станет мешать. Только спустит^е, только возьмите с собой в тундру.

Келли наперед знает: вот сейчас хозяйка взберется по долбленой деревянной лестнице на балаган, принесет крупную оленью лопатку, очистит ее от мяса, положит на нее горячие угли, будет дуть на них, что-то причитая.

Так бывает каждый раз, когда Михаил уходит в горы, в тундру.

Разгораются угли на лопатке, и вдруг — тишина! Хозяин тревожно привстал... А Варвара подняла раскрасневшееся лицо, заулыбалась. Михаил не видит в этот миг ее морщин, пепельных кос. Перед ним та, прежняя, молодая, которую он привез когда-то в свое стойбище.

— Трещина вдоль лопатки! Счастливая охота у тебя будет, апа!

— Вот и хорошо! Не всегда ведь трещины вдоль, были и поперечные!

Потом они долго идут по тропинке: Михаил впереди, она — следом. Молча. Без слов. Так надо. Так делали предки.

Дальше уходит Михаил. Долго стоит Варвара на дороге и смотрит вслед.

Суровая любовь северянки — она без слез!

Осенние утренники посвежели: разрумьянилась рябина, одела холодную землю в золотисто-зеленый бархат листьев, разукрасились ледяным ожерельем ручейки и берега рек. Необыкновенную легкость чувствовал Михаил в это утро. Радость охотника рвалась песней, и Келли понимал, что хозяин поет об охоте, о своей жизни, о нем:

С речки на речку
Долго ходил,
С горы на гору —
Много ходил!
Много видел и слышал,
Много дум думал...

В речках рыбу промыслял,
В горах зверя добывал!
Были удачи, Келли!
Было и горе, Келли,
Удачи еще впереди!
Скорее к вершинам идем!
Где сочные травы,
Где яркое солнце,
Прохладные ветры!
Удача нас ждет —
Мой глаз еще меткий!
О-э-э-э!

Старый охотник знал, что кыттэпу — дикие бараны — пасутся на высокогорных пастбищах, и в эту пору мясо их очень вкусно.

Правда, можно обойтись и без барана: в юрте, на летовье, много оленины, которую не так давно принес Степан. В достатке юколы наготовил сам Михаил, насолил шупков, засушил икры. Но так уж повелось у старого охотника: каждую осень он обязательно угощает родных и знакомых бараньим мясом, делает из рога барана какой-нибудь сувенир.

Но не ради мяса он ходит в горы — охота в горах требует большой силы и выносливости. Бараны забираются на неприступные склоны. И нужно хорошо знать не только повадки животного, но и коварство камчатских хребтов.

С каждым годом Михаилу все труднее лезть по скалам и выслеживать баранов.

— Последний раз иду. На пенсию пора. Отдыхать буду! — каждую осень говорит он.

Но не сидится ему без дела. С речки на речку ходит, с горы на гору ходит — рядом Варвара и верный пес Келли.

Вспоминает Михаил: давно это было, в селе построили для него большой красивый дом, хорошо в нем жить, весело. Как только построили, от столбов провели длинные желез-

ные жилы к дому, а внутри повесили говорящую коробку, от которой сильно болела голова. Не выдержал тогда Михаил, порубил столбы с жилами.

Теперь другое время, теперь сам «Спидолу» с собой таскает, родное корякское радио слушает, под магнитофон дома «норгали» пляшет. Веселые эти коробки, привык он к ним.

«Зачем торопиться, — думал Михаил, останавливаясь на ночлег, — завтра еще солнце не успеет подняться, дойдем до баранов».

Он срубил длинную палку, достал из переметки марик — крючок для ловли рыбы и отправился к речушке, где должно было быть много осеннего кижуча.

То тут, то там к воде проторены медвежьи тропы. Повсюду валялись скелеты рыб, пахло илом.

Келли тоже приготовился к ловле. Он отбежал чуть повыше по реке, залез по самое брюхо в речку и с любопытством рассматривал, как проплывают мимо серебристо-красные рыбы. Он совал свою морду в воду, потом долго тряс головой, разбрызгивая во все стороны ртутные капельки, и снова нырял.

Но вот раздался радостный возглас:

— Есть! — и затрепетала рыба на длинной палке.

Келли стремглав бросился к хозяину — он знал, что лакомые кусочки достанутся и ему.

Вот и Баранья сопка. На каменистом склоне видны следы копыт. Михаил биноклем пошарил по склонам. Обычно в эту пору после сытной пастьбы и водооя животные отдыхают где-нибудь на ровной площадке. Но сейчас их нет.

Охотник стал взбираться вверх, на Баранью. Он часто останавливался, подносил к глазам бинокль. Пусто.

Но Келли считал иначе. Помесь волка и камчатской ездовой, он был верным и надежным помощником. Щенком его брал на охоту Михаил. Теперь Келли — старый испытанный пес, на его счету несколько десятков медведей. Однажды он даже спас жизнь хозяину. С тех пор Михаил еще больше дорожит псом.

Это было в верховьях Валхатины. Раненый медведь встал на дыбы и пошел на охотника. Михаил не успел перезарядить винчестер. Медведь выбил ружье и сгреб его в охапку. Не долго думая, Келли бросился на медведя и стал рвать зверю «штаны». Косолапый повалился на спину, увлекая за собой Михаила. Келли ловко отскочил в сторону и вцепился в короткое медвежье ухо. Зверь взревел и ослабил объятия. Воспользовавшись этим, Михаил выхватил нож и изо всей силы всадил его в огромную пасть медведя. Медведь, захлебываясь и задыхаясь, все еще старался прокусить руку и отбиться от собаки. Но Келли не отступал... Наконец силы зверя иссякли, и он разжал лапы.

Келли — пес-медвежатник. Но иногда хозяин брал его на соболя или барана. И тогда Келли был умным помощником. Не зря настоярожился он теперь.

Наконец Михаил заметил небольшое стадо. Оно шло к склону, вверх, не останавливаясь. Михаил недоумевал: «Почему не отдыхает? Кто спугнул?»

Охотник знал, что даже после выстрела бараны отбегают метров на сто—двести и останавливаются, затем не спеша уходят.

Почему же теперь они шли так быстро! «Может, волки гонят? Нет, следов волков не видно», — думал Михаил. И вдруг за скалой, на небольшой седловине, он увидел круторого. Тот стоял, как изваяние, не шелохнувшись. Стоял и смотрел в сторону уходящего стада.

Михаил поднес бинокль к глазам: круторогий дрожал. Охотник понял: он побежден в поединке с более сильным бараном, и теперь печально провожает отнятых у него самок...

Он стоял под скалой, с которой сбросил его соперник.

Михаил спрятал бинокль, положил винчестер и, погладив Келли, стал разбирать переметку с провизией:

— Отдыхай пока, Келли. От нас не уйдешь! Видишь, тот, — он показал на крутые склоны, — победил, но сразу убежал! Всех самок увел! Значит, молодой и трусливый, слабый, значит. Сильный, сбросит со скалы, потом три дня ждет. Если вернется побежденный — снова драка. А этот сразу убежал. Старый, видно, драться хочет, никуда не уйдет. Мы чай варить будем, юколку и челенку¹ кушать будем, жирок. Потом гонять будем. Долго гонять будем. Хорошо кушать надо.

Он бросил Келли полпластинки юколы и кусочек лехтачьего жиру, соорудил небольшой таган и повесил чайник, наполненный снегом. Закусывая, Михаил не переставал рассказывать о повадках баранов.

Келли грыз сухую юколку и слушал.

— Ты вот бегаешь много, много видишь, а совсем не понимаешь, как бараны дерутся! Не-е-ет, совсем не знаешь! Вот посмотри на него: крутые рога, шея крепкая, ой, крепкая.

¹ Челенка — соленая рыба.

ноги, — Михаил присел несколько раз, — совсем крепкие! Я, правда, не видел, а вот Иннокентий Лазарев рассказывал: «На крутой горе стоял баран и сталкивал вниз камни, а внизу другой баран их ловил рогами. Верхний бросал до тех пор, пока тот, другой не поймал, не остался стоять на месте с камнем. Потом они поменялись местами и начали сначала. Так они тренировались перед боем за самок».

Келли залаял, прося еще рыбы, Михаил цыкнул на него:

— Что? Не веришь? Я тоже не очень верю, но легенда такая у коряков есть. Ты лучше слушай, — он дал собаке еще юколы, а сам продолжал: — А как дерутся бараны, я сам видел. На ровной площадке, перед крутым обрывом выбирают место для боя. Долго дерутся. Сильный сбрасывает слабого с обрыва, а сам ждет. Если побежденный вернется — дерутся снова. Сегодня совсем немножко мы не увидели бой. Увел молодой баран стадо, будем охотиться на этого.

Второй день шел Михаил за круторогим.

— Старый баран, — Михаил наклонился над следом, потрогал рукой траву. — Видишь, Келли, кушает только правой стороной, там у него зубы, левых, видно, совсем нету, цела трава, чуть порвал...

Вчера Михаил ловко подкрался, приготовился было стрелять, да неожиданно свело ногу, он тихо ойкнул сквозь зубы.

А круторогий услышал, резко повернулся и прыгнул. Бежал он, почти не касаясь земли.

— Вперед, Келли!

Келли, прижав уши, помчался наперерез круторогому.

— Не уйдешь! — ликовал Михаил. — Келли не обманешь.

Но круторогий и не собирался уходить. Он обошел высокую скалу и появился с другой стороны Бараньей сопки. Ветер дул на него, и баран чуял погоню. Михаил выстрелил.

Теперь круторогий уходил раненый, но и у преследователя иссякли силы...

Нет, не хотел старый охотник уходить без добычи. И старый баран не хотел уходить из родных скал.

В кровь изодраны лапы у Келли, дрожат от усталости ноги у Михаила.

— Совсем старик! Совсем плохой охотник! Два дня бегает и устал! Плохо. А молодым был — неделю не уставал, ходил с копьём на медведя.

Никто в Карагинской тундре не владел копьём так, как он, Михаил Попов, никто не промыслял соболя больше, чем он. От Валханины до Уки простирались его охотничьи тропы.

— Нет! Надо добыть барана! — И они снова гнались за круторогим.

Вот он. Красивый. С гордо поднятой головой на обрыве высокой скалы. Как вылитый из камня, не шелохнется! Голову повернул в сторону охотника, словно бросал вызов.

Да! Это его последний бой, бой с более опасным соперником, чем тот, который увел гарем. Одиннадцать колец на его рогах — одиннадцать славных лет. Он здесь родился. Эти гордые, мало доступные скалы сделали его сильным. Сколько соперников сбросил он с круч! Бросал и снова принимал бой. Он был настоящим борцом! Много раз уводил стадо от волчьих клыков. И теперь не побежден, хотя и остался без своего гарема.

Тот, молодой, трусливо увел стадо. Старик мог бы еще принять бой и бился бы насмерть. А с человеком боя не будет. От человека надо уйти, спастись.

Близко подкрался Михаил. Солнце ярко освещало скалу, на которой стоял круторогий.

Через ущелье — другая скала с удобными выступами. Играло солнце на рогах круторогого, и сам он весь золотился в его лучах. «Пора стрелять! — Келли смотрел на хозяина. — Убежит!»

Михаил не торопился. Он любовался. Первый раз в жизни отложил в сторону винчестер:

— Ну до чего красив! Старый, без стада, а все равно — сильный! Такому бы главным быть над всеми баранами тундры, молодых бы учить премудростям жизни! Нет, он стрелять не будет, пусть круторогий живет и доживает свой век на этой памятной сопке. Он любит жизнь, он честно дрался за нее.

Но что это? Тело барана взвилось в воздух и метнулось через пропасть. Не первый раз уходил этим путем горный хозяин, но... Не долетев до уступов противоположной скалы, круторогий ударился ногами о камень ниже спасительного карниза, перевернулся несколько раз в воздухе и... исчез в ущелье...

— Почему он прыгнул? Я же не хотел стрелять! Может, он бинокль принял за ружье? — виновато спрашивал Михаил у собаки. Келли молчал, натягивая поводок.

Круторогий лежал на куче камней с перебитыми ногами. Он еще пытался поднять голову, словно хотел разглядеть своего соперника, но тяжелые рога пригибали его к земле.

Михаил присел возле барана. В больших, круглых глазах круторогого плыло небо.

Михаил взялся за нож:

— Нельзя мучить гордого кыттапа! — сказал он Келли. Струя горячей крови наполнила подставленную кружку. Он разбрызгал содержимое вокруг животного — так делают люди, когда хоронят кого-нибудь. Отрубил рога и завалил тушу камнями, чтобы не достали волки и вороны. Больше Михаил ничего не взял. Только рога. Из них он сделает подставку для мозговых костей и ложку.

Уставший после охоты вернулся Михаил на рыбачий стан. Молча сбросил тяжелый груз к ногам Варвары и сказал:

— Все, старуха, больше охоты нету!

Варвару не интересовала добыча. Она рада была возвращению мужа, молча сняла с него порвавшиеся торбаса и меховые штаны, поставила деревянный поднос с пищей, долго подливала в кружку крепкий чай:

— Наконец поумнел старый. Оставил охоту.

А вечером они вместе плясали старинный танец в честь удачной охоты. Завтра с рассветом они уйдут в село, и тундра никогда больше не услышит выстрела Михаила Попова.

* * *

Возвращаясь из командировки, я зашел к ним в гости. Михаил угощал меня хрящами и костным мозгом оленя. Он ловко колот лытки¹ на костяной подставке и без усталости рассказывал о баранах, их повадках, образе жизни. Таков обычай моих земляков. А когда я уходил, он достал ложку и подарил мне ее на память.

Много времени прошло с той поры. Умерла Варвара. Ушел к верхним людям и сам Михаил. А его ложку я подарил музею.

¹ Лытки — нижняя часть оленьей ноги.

Содержание

Сын Корякии 3

Повести

Верхние люди подождут 7

Месяц Молочных Важенок 117

Рассказы

Ложка с узорами 177

Сын 188

Владимир Коянто
(**Косыгин Владимир Владимирович**)

ВЕРХНИЕ ЛЮДИ
ПОДОЖДУТ

Повести

и рассказы

Редактор **Т. Мирзоян**

Художник **В. Толстоногов**

Художественный редактор **Н. Егоров**

Технический редактор **Л. Анашкина**

Корректоры **Н. Попикова, И. Порубай,**

Л. Антонова

Сдано в набор 31/III-1976 г. Подписано к печати 26/VII-1976 г.
A12729. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 7,04. Тираж 30000 экз.
Заказ № 1953. Цена 33 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Советов Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

390012, г. Рязань, Новая, 69/12. Ряз. обл. тип.